

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-5-23

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Г.И. Гаджимурадова*¹
*Л. Рабат*²

Введение
Политическое представительство
женщин в Тунисе, Ливане и Турции:
от «государственного феминизма» до
политики плюрализма
Заключение

Поступила в редакцию: 29.07.2020.
Передана на рецензию: 05.08.2020.
Получена рецензия: 17.08.2020.
Принята в номер: 05.09.2020.

Роль женщин в политическом дискурсе мусульманских стран

МГИМО-Университет, Институт демографических исследований ФНИСЦ Российской академии наук; gadzhimuradova7@gmail.com, loujainr@gmail.com

В статье рассмотрена проблема гендерного равенства в Тунисе, Ливане и Турции, странах, принадлежащих арабо-мусульманскому миру, где сильны религиозные традиции и нормы шариата. Показано, какой путь прошли эти страны в решении вопросов гендерного равенства и какова роль самих женщин в решении т. н. «женского» вопроса, представлены результаты борьбы женщин за свои права, описано, как в каждой из этих стран реализованы права женщин. В работе особо подчеркнута важность участия женщин в общественно-политической жизни страны на примере Туниса, Ливана и Турции, которые, с одной стороны, относятся к странам мусульманского мира, а с другой – придерживаются светских принципов правления на законодательном уровне.

Традиции в этих странах все еще сильны, а религия является мощным социальным и политическим фактором, который влияет на текущее состояние гендерного равенства и препятствует участию женщин в политике на разных уровнях власти. В данном исследовании делается попытка дать представление о том, какую роль играют правительства и различные исламские движения в формировании государственной политики в отношении женщин и их прав, роли женщин в обществе и политике в решении вопросов гендерного равенства.

Ключевые слова: *Тунис, Ливан, Турция, ислам, шариат, гендерное равноправие, «государственный» феминизм, «жасминовая» революция.*

¹ *Гюльнара Ильясбековна Гаджимурадова* – ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва; кандидат философских наук, доцент. <https://orcid.org/0000-0003-3080-1813>.

² *Рабат Луджаин* – аспирант, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва; <https://orcid.org/0000-0002-0214-5727>.

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-5-23

UDC 297.1

G.I. Gadzhimuradova³
L. Rabat⁴

Content of the article

Introduction.
Political representation of women in Tunisia, Lebanon, and Turkey: from "state feminism" to pluralism politics.
Conclusion.

Information about the article

Received: 29.07.2020.
Submitted for review: 05.08.2020.
Review received: 17.08.2020.
Accepted for publication: 05.09.2020.

The Role of Women in the Political Discourse of Muslim Countries

MGIMO University, Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Center ISPI RAS; gadzhimuradova7@gmail.com, loujainr@gmail.com

The article is devoted to the problem of gender equality in Tunisia, Lebanon and Turkey. These countries belong to the Arab-Muslim world, where religious traditions and Sharia law are strong. The authors show what path these countries have taken in addressing gender equality issues and outline the role of women themselves in addressing the question of their rights. The article shows the results of women's struggle for their rights and the ways women's right to equality are implemented in each country. The authors emphasize the importance of women's participation in the social and political life of countries. They use the examples of Tunisia, Lebanon and Turkey that, on the one hand, are part of the Muslim world, and, on the other hand, adhere to secular principles of government at the legislative level. The article shows that traditions are still strong in these countries, and religion is a powerful social and political factor that affects the current state of gender equality and hinders women's participation in politics at different levels of government. The study attempts to demonstrate the role governments and various Islamic movements play in shaping public policy towards women and their rights, and the role of women themselves in the society and in addressing gender equality issues.

Keywords: *Tunisia, Lebanon, Turkey, Islam, Sharia, gender equality, "state" feminism, "Jasmine" revolution.*

Введение

Проблема гендерного равенства является неотъемлемой частью прав человека. Достижение гендерного равенства есть условие прогрессивного развития человеческого общества, обеспечивающего мир и гармоничное развитие личности. В 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW).⁵ В тридцати статьях Конвенции четко определена концепция дискриминации в отношении женщин и предлагается повестка дня для принятия мер на национальном уровне по преодолению такой дискриминации.

³ *Gyulnara Ilyasbekovna Gadzhimuradova* – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO-University, Moscow; Russia, Associate Professor, Leading researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS (IDR FCTAS RAS), Moscow, <https://orcid.org/0000-0003-3080-1813> .

⁴ *Lujain Rabat* – PhD Student, Junior Researcher Institute for Demographic Research FCTAS RAS (IDR FCTAS RAS), <https://orcid.org/0000-0002-0214-5727> .

⁵ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml .

Гендерное неравенство сохраняется в экономической и политической сферах. Несмотря на некоторый прогресс, достигнутый в последние десятилетия, в среднем женщины на мировом рынке труда по-прежнему зарабатывают на 24 % меньше мужчин. По данным на август 2018 года, количество женщин от общего числа парламентариев составляло 24 %. В 1995 г. этот показатель составлял 11,3 % [20], что свидетельствует об отсутствии существенного прогресса в этом вопросе. Сегодня нет никаких сомнений в том, что участие женщин в жизни общества обеспечивает устойчивый экономический рост и развитие социальных институтов. Примером этого является прогрессивное развитие большинства европейских стран, где женщины наравне с мужчинами участвуют в социально-политической и экономической жизни. В законодательстве большинства стран мира закреплено равное участие женщин и мужчин в политике, экономике и других сферах деятельности. Опыт европейских стран, таких, как Германия, Нидерланды, Швеция, Норвегия и Финляндия, которые сегодня являются наиболее «феминизированными» с точки зрения присутствия женщин в национальных правительствах и парламентах, показывает, что там, где женщины широко представлены во властных структурах, есть реальные результаты в решении вопросов, связанных с образованием, воспитанием детей, карьерным развитием работающих женщин, материнством и здоровьем детей, профилактикой насилия в семье. Например, благодаря различным видам квот в странах Северной Европы за последние 30 лет улучшение положения женщин было настолько значительным, что изменилось «лицо» политики.

Нельзя отрицать тот факт, что «рост феминистского движения и настоятельная необходимость интеграции демократических идеалов в научную теорию привлекли внимание к важности вопросов, связанных с правами женщин, защиты их интересов и их участия в общественной и политической жизни» [1]. Поскольку разделенная государственная и частная сферы стали основными территориями мужчин и женщин в патриархальном обществе, одной из главных проблем в феминистской теории стала проблема взаимодействия между ними. Исторически сложилось так, что власть мужчины над женщиной возникла по причине экономической зависимости женщины от мужчины. Одним из проявлений этого является монополизация сильной половиной человечества ключевых позиций в политических и властных структурах. Поэтому любое заявление по вопросу о «мужском» и «женском» часто имеет общественно-политический подтекст. Необходимо понимать, что построение демократических институтов в обществе неразрывно связано с тем, как это общество относится к проблеме гендерных отношений, которая понимается как равенство прав и возможностей и для мужчин, и для женщин. Интеграция женщин в политическую жизнь зависит от роли, которую они играют в политике и от роли политики в жизни самих женщин.

Политическая активность женщин во всем мире поднимает вопросы об их реальном влиянии на процессы принятия политических решений.

Арабо-мусульманский мир находится в эпицентре мировых процессов, включая и процессы «феминизации» различных аспектов общественной и политической жизни. Мусульманки активно участвуют в интеграции в политическую жизнь своих стран. Ярким примером этого является Тунис, где женщины достигли более высокого уровня интеграции в социальную и политическую жизнь своей страны, чем в других арабо-мусульманских странах. В стране проживает около 12 млн человек, 95 % из которых являются суннитами.

Религия играет огромную роль в жизни общества во всех странах мусульманского мира, а в Ливане даже политическая структура страны основана на конфессиональном

признаке, который предполагает организацию государственной власти в соответствии с разделением общества на религиозные общины. Ливан, Турция и Тунис являются странами с традиционной патриархальной культурой и большинством мусульманского населения. Более того, Тунис и Ливан после обретения независимости используют некоторые элементы французской политической системы. Турция, которая позиционирует себя как страну европейского мира, также провозглашает светскость основой своей политической системы. В то время как Конституция Туниса гласит, что официальной религией страны является ислам, светский характер государства в Тунисе закреплен в законодательстве, и страна провозглашает более «либеральное» толкование ислама. Ливан считается одним из самых либеральных и светских государств арабского мира. Хотя в конституции нет определения официальной государственной религии, многие вопросы, касающиеся женщин и их прав, передаются на рассмотрение религиозным судам. Следовательно, достижению гендерного равенства препятствует тот факт, что вопрос о правах женщин и их роли в обществе тесно связан с вопросами религии.

В Тунисе, где президенты Хабиб Бургиба и Бен Али мягко «либерализовали» ислам в политических целях, женщины более широко представлены в правительстве и имеют больше прав на законодательном уровне. Ливан, раздираемый межконфессиональными противоречиями и гражданской войной, был поглощен борьбой за власть и в значительной степени игнорировал вопрос о правах женщин и их равноправии. Поэтому, несмотря на весь либерализм этой страны, «женская» повестка дня не состоялась, и присутствие женщин в политике часто является формальностью. Здесь политика и религия довольно прочно переплетаются, что ограничивает участие женщин в принятии политических решений, поскольку религия зачастую оставляет женщинам лишь частную сферу для осуществления своей деятельности. В Турции Конституция является основополагающим документом, регулирующим вопросы, касающиеся гендерного равенства. Помимо Конституции основными правовыми документами, регулирующими гендерную политику, являются Гражданский кодекс, Трудовое право и Уголовный кодекс. Тем не менее «женская» повестка во многом носит демонстративный характер.

Таким образом, можно констатировать, что Тунис является хорошим примером демократических перемен в арабо-мусульманском мире, особенно в вопросах прав женщин. В Тунисе женщины имеют права, на которые женщины в некоторых странах «развитого Запада» даже не могут претендовать. Это пример того, как можно придерживаться демократических норм в политической жизни страны и оставаться в лоне своей религии. Ливан также является примером светского государства в арабо-мусульманском мире, которое, несмотря на все трудности политической жизни в многоконфессиональном обществе, пытается оставаться в рамках демократических преобразований. В отличие от Туниса, религия здесь играет большую роль во внутривнутриполитической жизни страны, препятствуя быстрым демократическим изменениям в «феминизации» политики. Это объясняется главным образом тем фактом, что гендерные стереотипы, существующие во многих обществах, не позволяют женщинам участвовать в политической жизни страны. Политику Турции в области гендерного равенства можно рассматривать как частично мотивированную подготовкой страны к вступлению в ЕС. Именно «на этом уникальном фоне необходимо обсуждать проблемы гендерного равенства в Турции» [17, с. 4].

Во многих странах женщины имеют политические права, но по-прежнему не полностью интегрированы в мир политики и не представлены в равной степени во всех политических структурах. Примеры Туниса, Ливана и Турции свидетельствуют о том, что

в арабо-мусульманском мире интеграция женщин в политическую жизнь своих стран возможна и ожидаема. Это может иметь позитивные последствия для устойчивого экономического роста, социального и политического развития арабо-мусульманских стран и их интеграции в мировую политическую систему.

Политическое представительство женщин в Тунисе, Ливане и Турции: от «государственного феминизма» до политики плюрализма

Тунис. История Туниса после обретения независимости от французского колониального господства может быть разделена на три периода. Первый период (1956–1987), который начался при президенте Хабибе Бургибе, был отмечен политикой «государственного феминизма», т. е. принятием решений по «женским вопросам» на государственном уровне «сверху вниз». Во втором периоде (1987–2011), когда Бен Али пришел к власти в результате «белого переворота»⁶, политика «государственного феминизма» продолжалась, но характеризовалась ростом феминистского движения изнутри, то есть «снизу вверх». Третий период (после 14 января 2011 г.) был отмечен «жасминовой» революцией и свержением Бен Али. Для этого периода характерно усиление общественного обсуждения прав женщин, которые коренятся в идеологических конфликтах между модернизацией государства и консервативной исламистской оппозицией.

Тунис получил независимость от французского колониализма в 1956 году. Его первый президент Хабиб Бургиба стремился модернизировать общество и противостоять трайбализму и исламизму, строя светское, прогрессивное государство. С этой целью осуществлялись программы социального обеспечения и образования, включая образование женщин, в результате чего значительная часть женского населения современного Туниса имеет хорошее образование. В первые несколько лет своего правления Бургиба принял ряд мер, направленных на ограничение роли религии в обществе и политике: отменил религиозные суды и разрушил мечеть Зайтуна, которая была одним из главных центров исламского образования в регионе Магриба. Кроме того, он выступал против ношения хиджаба и поста в месяц рамадан. Исламисты выступали против законов и правил, направленных, по их мнению, на секуляризацию государства. Левые партии страны, включая Коммунистическую партию Туниса, Демократическое социалистическое движение и партию «Будущее единство», также выступали против правления Бургибы, что привело к усилению роли пропрезидентской Социалистической дустуровской⁷ партии (СДП). Таким образом, Бургиба столкнулся с противодействием со стороны левых партий и исламистских групп, так как его правление было «репрессивным в том, что касается гражданских свобод и индивидуальных прав» [10, с. 38]. Некоторые левые и студенческие группы не возражали против его планов модернизации страны, но они сопротивлялись его авторитарной и репрессивной форме правления.

Одним из символов модернистской политики Бургибы был «государственный феминизм», в котором он стремился «либерализовать феминистские силы». По его словам, «не следует жалеть усилий, наконец, чтобы обратить вспять сильные исторические силы, которые на протяжении веков свели женщин к состоянию либо презренного бытия или

⁶ «Белый переворот», т. е. бескровный.

⁷ Араб. Дустур – Конституция.

бесценного объекта» [4]. В 1957 г. женщинам в Тунисе было предоставлено право голосовать и баллотироваться на выборах, а в конце 50-х годов – право переезжать, открывать банковские счета, работать и начинать бизнес без разрешения супруга. Кроме того, в 60-х годах программа планирования семьи получила широкое распространение, и в 1973 г. женщинам было предоставлено право самостоятельно принимать решение о прерывании беременности. В 1956 г. Бургиба ввел Кодекс персонала, который рассматривался как «кодекс позитивного права, формально отделенный от исламского права» [14], в котором полигамия была отменена и была введена форма бракоразводного процесса, при котором обеспечивались равные права для обоих супругов. Таким образом, во время правления Бургибы женщины получили больше прав как на политическом, так и на социальном уровне. Однако наряду с этим наблюдался процесс ограничения феминистских движений, поскольку действовать было разрешено только Национальному союзу тунисских женщин (UNFT). Все это указывает на то, что «феминизм Бургибы» был создан не столько с целью содействия расширению прав и возможностей женщин, сколько являлся частью более широкой стратегии борьбы с исламизмом и должен был содействовать лояльности тунисцев государству.

Хотя Тунис считается светской страной, ислам исторически играл основополагающую роль в обществе и, следовательно, в политике. В преамбуле к Конституции 1959 года говорится, что представители тунисского народа должны «оставаться верными учению ислама» [6]. Кроме того, в первой статье Конституции провозглашается, что «Тунис является свободным, независимым и суверенным государством. Его религия – ислам, язык – арабский, а тип правительства – республика» [7]. Таким образом, хотя Бургиба стремился создать современное, светское государство, он не мог игнорировать или пытаться стереть сильные исламские корни североафриканской нации. Участие женщин в политическом процессе страны по сути является победой правительства в обеспечении реформистского толкования ислама. Следовательно, видение Бургибой современности было фактически отказом от догматизма и поощрением исламских инноваций, которые подчеркивают, что ислам может и должен быть адаптирован к современному миру. До 1969 года модернистский курс доминировал в политике Бургибы. Однако его приверженность к освобождению женщин вскоре ослабла и сменилась на более традиционный и религиозный взгляд на семью. Это «затмение политики секуляризации в 70-х годах можно объяснить тем фактом, что Бургиба, стремясь противостоять оппозиции со стороны левых, стремился к союзу с религиозными политическими партиями и группами» [14] и, таким образом, был вынужден изменить свой дискурс о правах женщин, чтобы сохранить альянс с исламскими политическими группами и партиями.

После государственного переворота в ноябре 1987 года Зин аль-Абидин Бен Али предпринял попытку проработать политику примирения с исламистскими партиями в попытке нейтрализовать их. Однако два года спустя эта политика приняла репрессивный характер. Правительство стремилось подавить исламистскую оппозицию. Именно тогда Бен Али обратился к наследию Бургибы и подхватил дискурс «государственного феминизма» – политика «государственного феминизма» была продолжена, но по принципу «снизу вверх». Тем не менее, феминизм по-прежнему контролируется и спонсируется государством. Таким образом, женские движения в большинстве своем работали вместе с правительством Бен Али, а не в оппозиции. В 90-е годы было проведено несколько реформ, дающих женщинам право на получение алиментов в случае развода, а также

право опеки над своими детьми после смерти мужа. Кроме того, Бен Али создал Государственный секретариат по делам женщин и семьи в 1992 г., который позднее стал Министерством по делам женщин, семьи, детей и престарелых (MAFFERA). В 1993 г. была проведена реформа гражданства, которая считалась важным шагом для женщин на пути к тому, чтобы стать равноправными гражданами. Эта реформа позволила женщинам передавать гражданство своим детям, родившимся за пределами Туниса, независимо от гражданства отца. Также Бен Али допустил проведение реформ в трудовом законодательстве, которое гарантировало женщинам равную оплату на рынке труда. Увеличение числа женских ассоциаций сделало их присутствие в политическом пространстве более заметным. Политика Бургибы в области образования способствовала этому процессу. Таким образом, появились политические инструменты, необходимые для развития феминистского движения, которое началось в конце 70-х годов и набрало силу к началу 90-х.

Как и Бургиба, Бен Али пытался интегрировать феминистскую политику в деятельность, отчасти желая ограничить распространение исламистских движений и интегрировать идеи современности и секуляризма в национальную идентичность. «Государственный феминизм» Бургибы и Бен Али был направлен на сдерживание исламистской риторики и удовлетворение современных требований⁸. Таким образом, феминистское движение, его риторика и деятельность контролировались государством, но, несмотря на это, развивались.

На рис. 1 показана доля тунисских женщин, избранных в Ассамблею представителей народа Туниса с 1959 по 2009 год.

Данные цифры свидетельствуют о постоянном увеличении представленности женщин в Ассамблее (начиная с 1986 года) и возросшей поддержке Бен Али феминистской политики в рамках его стратегии по борьбе с исламизмом. Расширение прав и возможностей женщин дает возможность сделать их голоса услышанными «снизу вверх» и получить большее представительство в законодательных органах своей страны. Важность «феминистской политики» Бен Али и Бургибы заключалась в противодействии растущей исламистской оппозиции, с одной стороны, и консолидации власти – с другой. Несмотря на поддержку ими патриархального характера общества и некоторые ограничения феминистского движения, эта стратегия позволила более либерально трактовать ислам в отношении роли женщин – сначала в семье, а затем в обществе и политике. Это создало предпосылки для третьего периода эмансипации женщин и их участия в политической сфере.

⁸ Однако они считали, что необходимо контролировать и ограничивать феминистскую риторику, чтобы не казаться зависимыми от западных традиций. Поэтому были проведены реформы, которые можно было бы принять в рамках более «либеральных» толкований ислама, но не отклоняться от ислама.

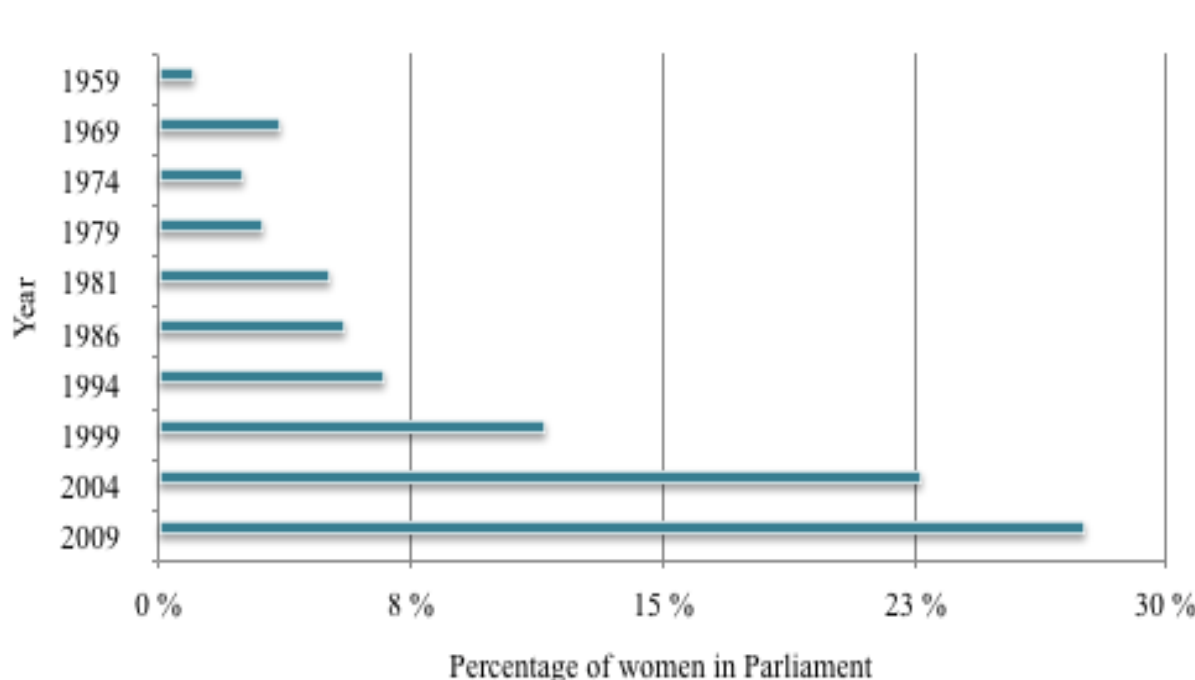

Рис. 1. Процентная доля тунисских женщин в парламенте во время правления Бургибы и Бен Али (1959–2009 гг.)

Источник: Межпарламентский союз. Доступно по ссылке: https://data.ipu.org/content/tunisia?chamber_id=13546

Третий период в Тунисе начался с «жасминовой» революции, вызванной недовольством людей коррупцией, экономическими трудностями и жестокостью полиции. Протесты привели к отставке Бен Али в январе 2011 года, после чего Тунис перешел к более либеральной политической системе, и впервые в октябре 2011 года страна избрала представителей в Национальное учредительное собрание (НКА) – орган, которому было поручено разработать новую Конституцию Туниса. Хотя вопросы, касающиеся женщин, не являлись движущими силами революции, они активно участвовали в протестах, и после свержения Бен Али дебаты о правах женщин стали центральными в ходе выборов в НКА и нового процесса разработки Конституции. Это не удивительно, поскольку использование «женского вопроса» в политических целях является отличительной чертой современной тунисской политики. По словам Моники Маркс, для конкурирующих политических партий «...права женщин представляют собой полезный вопрос, который может отвлечь внимание от поспешно построенных экономических программ и изолировать противников выборов как либо «слишком светских» или «слишком исламистских», чтобы угодить населению в целом» [15]. Хотя вопрос о правах женщин использовался политическими партиями в качестве инструмента для получения политических преференций, он привел к некоторым значительным достижениям (женщины в этот период увеличили свое представительство в политических структурах и активность на низовом уровне). Например, на должность первого заместителя Председателя Ассамблеи была назначена Мехерзия Лаабиди, и из семи членов бюро было три женщины. Кроме того, женщины присутствовали в шести учредительных комитетах, которым было поручено разработать Конституцию.

На рис. 2 показана доля женщин, избранных в Национальное собрание после «жасминовой» революции.

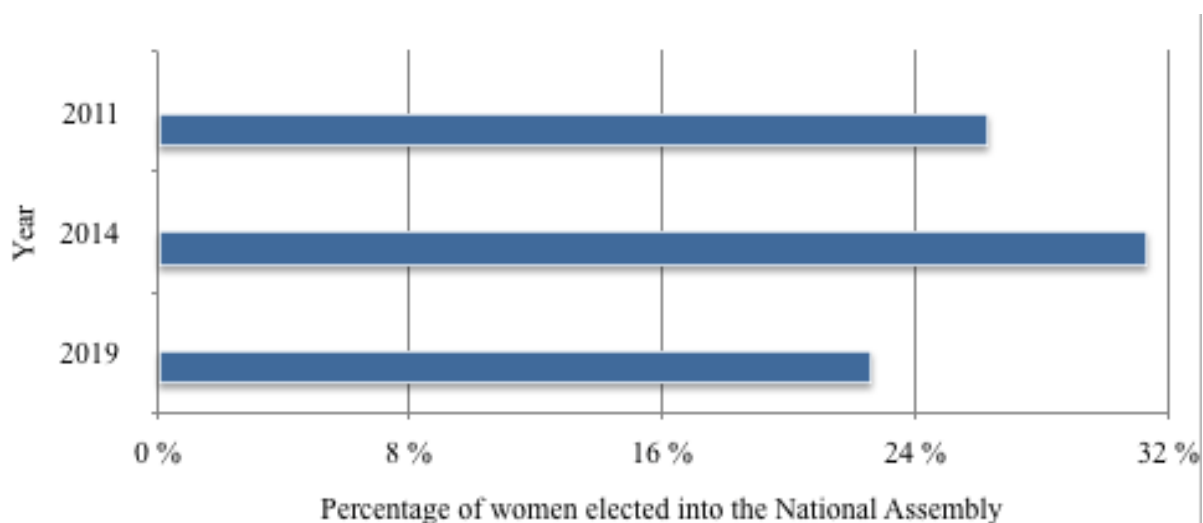

Рис. 2. Процентная доля тунисских женщин, избранных в Национальное собрание с 2011 года
Источник: Межпарламентский союз. Доступно по ссылке: https://data.ipu.org/content/tunisia?chamber_id=13546 (дата обращения: 20.08.2020)

Ливан. Ливан является частью Леванта, или «Большого сирийского» региона, который охватывает сегодняшние Сирию, Ливан, Иорданию, Палестину и Израиль. После того как в 1916 г. было достигнуто соглашение Сайкса–Пико⁹, регион был разделен на «независимые» страны. Таким образом, Ливан (ранее известный как Гора Ливан) стал суверенным образованием. Эта небольшая средиземноморская страна является домом для различных религиозных групп, которые конфликтуют из-за ресурсов и политического влияния еще с XIX века, когда Гора Ливан была под Османским правлением.

В целях обеспечения равного доступа и политического представительства всех групп внутри страны религиозные разногласия были институционализированы в политическую систему Ливана. Это привело к известной модели демократии в Ливане, которая делит политическую власть пропорционально между 18 официально идентифицированными конфессиональными группами страны, оставляя должность президента республики за представителем от христианской группы маронитов, спикера парламента – от представителей шиитского большинства мусульман, а для суннитской группы зарезервирована должность премьер-министра. 128 мест в парламенте пропорционально разделены между 18 официально идентифицированными конфессиональными группами.

Волна «арабской весны» обошла Ливан, и страна избежала новой гражданской войны, несмотря на беспорядки в соседних странах. Считается, что модель разделения власти была успешной в поддержании определенного уровня стабильности. Однако политический процесс в Ливане характеризуется периодами политического вакуума и междоусобиц, которые привели к разрозненности общества и слабому правительству. Парламентские выборы в Ливане не проводятся регулярно из-за внутренних волнений и политического тупика. С 1975 по 1990 год Ливан был в состоянии гражданской войны, в ходе которой не было проведено никаких выборов. Более того, в 2013 году должны были

⁹ Соглашение Сайкса–Пико (англ. Sykes–Picot Agreement) от 16 мая 1916 г. – тайное соглашение между правительствами Великобритании, Франции, Российской империи и позднее Италии, в котором были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке на период после Первой мировой войны.

состояться парламентские выборы, но из-за беспорядков в регионе и неспособности парламента избрать нового президента, они переносились трижды. Таким образом, неспособность различных религиозных групп страны мирно сосуществовать и управлять страной привела к политической нестабильности.

Бейрут часто называют «Парижем Ближнего Востока» из-за слияния современности и традиционализма, восточных и западных элементов в его культурном и политическом дискурсе. Однако, если смотреть на положение женщин в обществе, вырисовывается иная картина: женщины в значительной степени маргинализированы в процессе распределения политической власти и принятии решений. В 1953 г. ливанские женщины впервые в истории проголосовали и получили право баллотироваться на выборах. Однако, как видно на рис. 3, представленность женщин в парламенте Ливана на протяжении многих лет была незначительной и далекой от гендерного равенства.

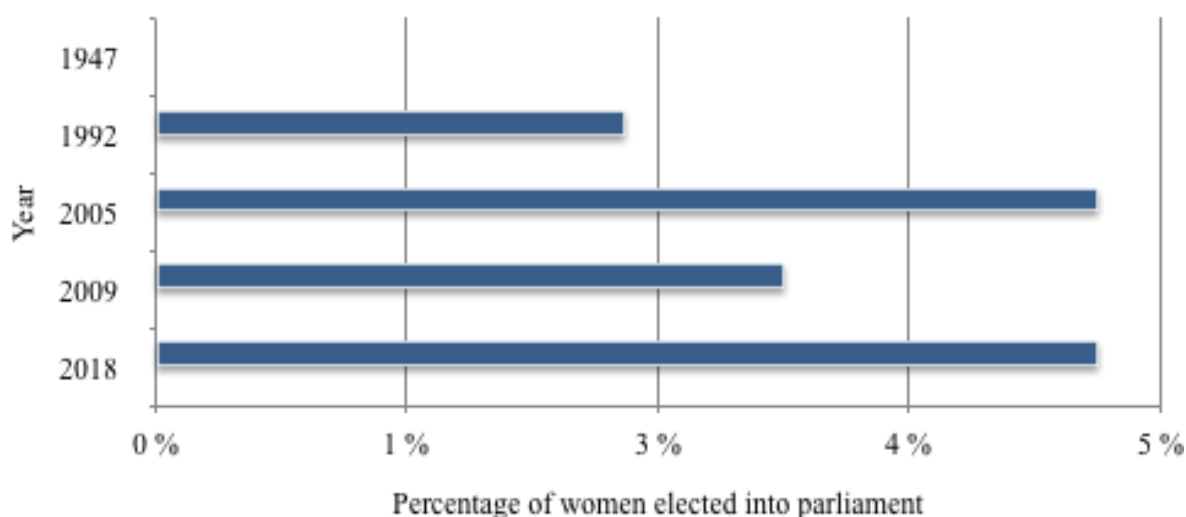

Рис. 3. Процентная доля женщин, избранных в парламент Ливана в период с 1947 по 2018 год.

Источник: Межпарламентский союз. https://data.ipu.org/content/lebanon?chamber_id=13446 (Дата обращения: 20.08.2020)

Это является результатом патриархального характера ливанской политики и нестабильности политического процесса, который был усилен и поддерживался системой разделения власти. Эволюция женских движений в Ливане претерпела четыре волны [16]. Первая волна была связана с борьбой за независимость. На этой волне «феминистский» дискурс был связан с национальным стремлением к независимости от иностранного правления. После обретения независимости начался рост левых движений под влиянием марксистских идей, которые повлияли на развитие женского движения. Затем началась 15-летняя гражданская война, в которой мобилизация женских движений прекратилась. После гражданской войны (с 1990 года) началась новая волна, которая совпала с усилением женского движения на международном уровне (Пекинская конференция, принятие KEDAW и пр.). Эта волна совпала с окончанием «холодной войны» и увеличением финансирования НПО (неправительственных организаций) в соответствии с новым неолиберальным мировым порядком. Исламисты и левые критически относятся к работе этих НПО и считают их средством распространения западных неолиберальных идей и разрушения мусульманских ценностей. Заключительная волна родилась в рамках

антиглобалистских движений и стала моделью левых феминистских организаций [9], целью которых была борьба с патриархатом. Общим аспектом всех волн является отсутствие политики правительства, направленной непосредственно на укрепление прав женщин.

Конституция Ливана, принятая в 1926 г. и измененная в 1990 г., обеспечивает равенство между всеми ее гражданами. Как указано в статье 7 главы 2, «все ливанцы должны быть равны перед законом. Они в равной степени пользуются гражданскими и политическими правами и в равной степени связаны общественными обязательствами и обязанностями без какого-либо различия» [6]. Кроме того, Ливан ратифицировал Конвенцию CEDAW в 1996 году. Вместе с тем государство «приняло поправки в отношении ряда статей Конвенции, включая 9 (2) и 16 (1), касающихся вопросов гендерного равенства в области прав граждан и семейного права. Эти поправки подтвердили нежелание государства предоставлять женщинам равные права в соответствии с законом и его намерение поддерживать дискриминацию в отношении женщин во всех областях, связанных с семейной жизнью» [8, с. 8]. Также «статья 9 Конституции противоречит равенству ливанских граждан, которое она признает в статье 7, т. к. она делегирует все вопросы личного статуса (включая наследство, развод, брак и опеку) в различные религиозные суды, в зависимости от религиозной принадлежности гражданина» [19, с. 13].

Традиционное толкование религии и политизация вопроса о правах женщин ограничивают возможности женщин эффективно участвовать в общественной и политической сферах своей страны. К тому же ливанские женщины не пользуются равными с мужчинами правами, когда речь идет о различных вопросах личного статуса, таких, как брак, развод, наследование и опека над детьми. Это соответствует религиозным законам, которые являются источником законодательства по всем вопросам личного статуса в Ливане. Как объясняет Саламе Рива (Salameh Riwa), «нынешняя ливанская конституция передает все законы о личном статусе в доктринальные религиозные суды, где все вопросы, связанные с семьей, ...находятся под исключительной опекой религиозных учреждений, которые продвигают идеи, ставящие мужчину во главе семьи, и, следовательно, поддерживают зависимое положение женщин» [18, с. 3].

Каждая конфессия имеет свои собственные законы о личном статусе и суды, которым подчиняются все члены конфессиональной группы с момента своего рождения, создавая условия для дискриминации не только между мужчинами и женщинами, но и среди женщин различных религиозных групп. Личные права и статус женщин гарантируются не Конституцией или гражданским правом, а религиозными институтами и различными толкованиями учений соответствующих религий. Таким образом, «все аспекты социальной и личной практики сосредоточены вокруг концепции семейной ячейки, динамика которой регулируется на основе интересов правящего религиозного и политического истеблишмента, в соответствии с которым семья определяется в законе через мужскую родословную» [18, с. 3]. Следовательно, Ливанское государство лишает своих граждан широкого спектра прав, которые лежат вне конфессиональных структур. Например, гражданские законы не позволяют матери передавать свое гражданство детям, отец которых не имеет ливанского гражданства. В Ливане религия и политика имеют взаимозависимые отношения, где главы религиозных общин зачастую являются главами политических партий.

Патриархальный характер ливанского общества и выборов, в ходе которых руководящие должности передаются от отца к сыну, не оставляет женщинам места для до-

стижения высоких должностей в соответствии с их квалификацией. Патриархат в ливанском политическом процессе можно проследить на нескольких уровнях. Прежде всего речь идет о «правовой и культурной практике, которая ограничивает возможности женщин влиять на институты, которые формируют национальную политику» [13, с. 509]. Патриархат также проявляется в том, что мужчины являются религиозными лидерами и главами конфессиональных судов, поэтому требования и голоса женщин не имеют веса и не принимаются во внимание, что делает создание политики, дружественной женщинам, сложной задачей. Таким образом, даже если женщина получает поддержку от своей семьи для участия в выборах, она вряд ли получит значительную поддержку со стороны избирательных округов, которые рассматривают политику как прерогативу мужчин.

В то время как ливанское правительство запуталось в межрелигиозных ссорах и постоянной борьбе за власть и ресурсы, в правительственных структурах практически не было места для сторонников официального включения прав женщин в повестку дня. В Ливане пропаганда более активной роли женщин в обществе и политике сегодня не отвечает интересам религиозных политических лидеров. Однако все эти препятствия не помешали женщинам участвовать в выборах. На парламентских выборах 2018 года было зарегистрировано 111 женщин, из которых 86 баллотировались в парламент. Только шесть из них были избраны, а четыре женщины получили министерские посты, среди них первая женщина-министр внутренних дел в арабском мире – Рая Аль Хассан [11].

Тяжелый экономический кризис октября 2019 года привел к общенациональным протестам (некоторые называют это революцией) и отставке премьер-министра Саида аль-Харири. Во время протестов тысячи граждан разных конфессий, полов и возрастов требовали положить конец монополии конфессиональной политики на выдвижение кандидатов и перейти к более технократическому правительству, где назначаются квалифицированные министры. Требования и лозунги, касающиеся прав женщин, были одними из главных, во время уличных протестов. В такое сложное для страны время вопросы прав женщин перестают казаться жизненно важными, несмотря на то, что равенство между мужчинами и женщинами является ключевым фактором устойчивого развития общества.

Более месяца члены парламента не могли согласовать кандидатуры в новый кабинет министров. В конечном итоге ливанский парламент успешно сформировал новый кабинет министров, в состав которого впервые вошли 6 женщин-министров (30 % членов кабинета). В то время как женщины-министры ранее получали так называемые «мягкие министерства», в недавно сформированном кабинете министров женщины возглавили более «мужские» министерства, например, ливанка Зейна Акар заняла пост вице-премьера и министра обороны. Другие женщины-министры возглавили министерства юстиции, труда, информации, туризма, молодежи и спорта.

Женщины, наконец, получили представительство на руководящих должностях в трудное время, когда страна оказалась в ловушке бесконечной спирали роста цен, инфляции и девальвации валюты (за последние 10 месяцев ливанский фунт потерял около 80 % своей стоимости). Однако, по мнению Кармен Геха (Geha Carmen), «нынешний кабинет министров, представленный 30 % женщин, является ярким примером поверхностных номинальных реформ, которые всего лишь соответствуют требованиям к значительному представительству женщин» [12].

Турция. Современная Турецкая Республика была создана в 1923 г. после падения Османской империи. Новая республика приняла ряд реформ, начиная от разделения государства и религии и заканчивая правами женщин. Реформы по улучшению положения женщин, осуществленные под руководством Мустафы Кемалья Ататюрка за 10 лет после образования Турецкой Республики, способствовали достижению женщинами гражданских прав, а также во многом обеспечили перестройку турецкого общества. Стало возможным участие женщин в таких важных сферах, как образование и политика, деловая жизнь, ведение бизнеса. Государство посредством политики равенства полов поддерживало их участие во всех сферах общественного развития. Ататюрк прекрасно понимал: пока женщина не станет равноправным членом общества, не будет поступательного развития страны. Он всячески поддерживал эмансипацию женщин, и с 1926 по 1934 год в Турции постепенно продвигались законы о равенстве полов. Впервые женщины получали гражданские права, которых ранее не имели. В числе первых реформ, касающихся положения женщины, были:

1. Закон о едином образовании (1924), обеспечивавший женщинам равные с мужчинами права на получение образования.
2. Закон о внешнем виде (1925).
3. Гражданский кодекс (1926), кардинально изменивший правовой статус женщин и уравнивший ее в правах с мужчинами.
4. Впервые официально было запрещено многожёнство¹⁰.

Ученый-тюрколог Н.Ю. Ульченко считает, что «Гражданский кодекс, действующий в Турции с 1926 г., закрепил ряд правовых преимуществ мужчины. Их истоком следует считать не столько остаточное влияние ислама, сколько ограниченную трактовку прав женщины, в том числе и в самих европейских странах в первые десятилетия XX века» [3, с. 329]

В 1925 г. было организовано «женское движение» под руководством Незихе Мухиддин (Nezihe Muhittin)¹¹, которая создала Народную женскую политическую партию, борющуюся за права женщин. В 1930 г. турецким женщинам было предоставлено право голосовать на муниципальных выборах, а в 1934 г. – на национальных выборах. Они также получили право быть избранными на руководящие посты. В 1930 г. в Турции появилась первая женщина-судья, а в 1935 г. в национальное собрание было избрано 18 женщин-депутатов.

Это означало, что турецкие женщины смогли реализовать свои политические права задолго до таких преобразований в некоторых европейских странах.

Несмотря на то что с 1934 года турецкие женщины получили право голоса и возможность быть избранными на государственные должности, их доступ к принятию решений и политическому представительству оставлял желать лучшего. Таким образом, «реформы, проведенные Ататюрком, сыграли важную роль в борьбе с неграмотностью, феодальными пережитками, особенно в отношении женщин. Однако преобразования не коснулись глубин социально-экономической структуры общества и потому лишь частично изменили статус женщин» [2, с. 147].

¹⁰ Turkish Penal Code, Art. 230.

¹¹ Османская и турецкая феминистка, активист движения за права женщин, журналист, писатель и политик. Считается одним из основателей турецкого феминистского движения (1889–1958).

В 1985 г. Турция подписала, а впоследствии и ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), а в 2000 г. подписала дополнительный протокол к CEDAW. В 2002 г. был подписан Факультативный протокол (CEDAW), который допускает право на индивидуальное обращение с петицией в Комитет Конвенции по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Кроме того, в 1995 г. на четвертой Всемирной конференции по положению женщин в Пекине турецкое правительство подписало декларацию и обязалось выполнить свою часть действий.

В 1987 г. был создан Консультативный совет по политике в отношении женщин (Advisory Board for policies with regards to Women) с целью повышения уровня гендерной осведомленности в рамках государственной политики. Это первый случай, когда в государственном секторе было создано отдельное подразделение по вопросам гендерного равенства. В 1987 г. Турция подала заявку на полноправное членство в ЕС и в 1999 г. была принята в качестве официального кандидата на вступление в Европейский Союз. Но она до сих пор не является равноправным членом Европейского Союза.

И все же «политику Турции в области гендерного равенства можно рассматривать как частично мотивированную подготовкой Турции к вступлению в ЕС. Именно «на этом уникальном фоне необходимо обсуждать проблемы гендерного равенства в Турции» [15, с. 4]. Эту мысль поддерживает и исследователь Мустафа Кютюкчю: «Турция стремится войти в семью Европейского союза, и женщина может сыграть в этом процессе существенную роль» [2, с. 149].

Основными вопросами политики в сфере гендерного равенства в Турции являются правовые изменения в рамках ключевых положений Конституции, Гражданского кодекса и Уголовного кодекса. Непосредственно с этими проблемами связаны насилие в отношении женщин и занятость женщин. Кроме того, на дискуссии и политику в области гендерного равенства оказывают влияние опасения по поводу запрета ношения исламского головного платка (хиджаба) в государственных учреждениях, криминализации супружеской измены и представленности женщин в процессе принятия политических решений.

Статья 10 Конституции Турции предусматривает «равенство перед законом». Эта статья была изменена Великим национальным собранием Турции 7 мая 2004 г. следующим образом: «мужчины и женщины имеют равные права, и государство несет ответственность за меры по осуществлению этих прав». Поправка, принятая к ст. 90 Конституции в 2004 г., гарантирует, что CEDAW имеет прецедент в случае коллизии с национальным законодательством, тем самым ставя CEDAW выше национального законодательства в области гендерной политики.

В марте 2009 г. была создана комиссия по вопросам равноправия в Великом национальном собрании Турции, состоящая из парламентариев от различных политических партий. Это стало крайне важным событием для обеспечения гендерного равенства в Турции, поскольку наличие комиссии такого уровня означало, что правовые предложения и поправки, подготовленные правительством и/или парламентскими комиссиями, анализируются комиссией с точки зрения гендерного равенства. Как видно на рис. 4, женщины Турции все еще далеки от достижения 50-процентного барьера для достижения гендерного равенства в представительстве в национальных политических институтах. Однако наблюдается небольшое, но регулярное увеличение доли женщин, избираемых в Великое национальное собрание страны.

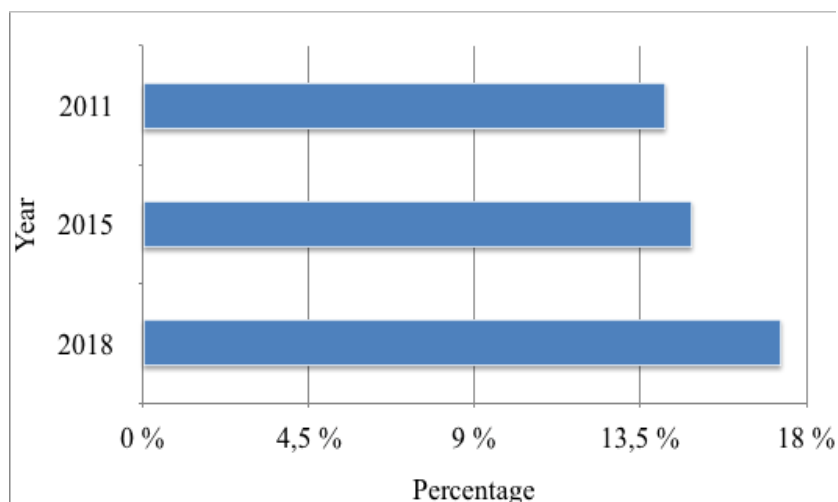

Рис. 4. Процентная доля женщин, избранных в Великое национальное собрание Турции за 2011–2018 годы

Источник: Межпарламентский союз. https://data.ipu.org/content/turkey?chamber_id=13548 (дата обращения: 30.07.2020)

Заключение

Количество женщин-депутатов в стране, представленность женщин в общественно-политической жизни являются показателями ее развитости.

На рис. 5 представлен общий рейтинг индекса гендерного неравенства (gender gap index) (GGI) как для Туниса, так и для Ливана и Турции с 2006 по 2018 г.

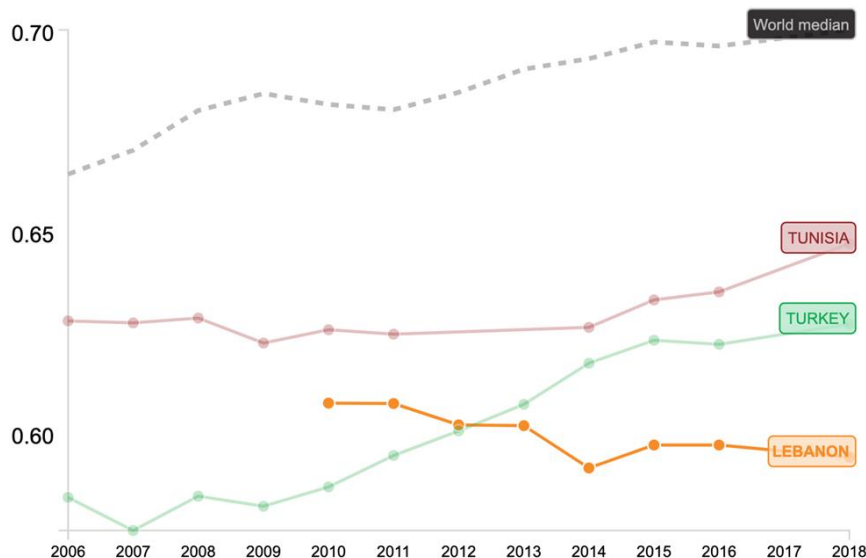

Рис. 5. Общий рейтинг индекса гендерного неравенства

Источник: Всемирный банк. Общий индекс гендерного неравенства. https://tcdata360.worldbank.org/indicators/af52ebe9?country=LBN&indicator=27959&countries=TUN&viz=line_chart&years=2010,2018

GGI измеряет гендерные различия в доступе к здравоохранению, образованию, экономическим и политическим ресурсам в более чем 150 странах. Как видно на рис. 5,

Ливану еще далеко до достижения гендерного паритета, это свидетельствует о том, что в стране гендерный разрыв высок. Кроме того, рейтинг страны в индексе последовательно снижается с 2010 года, немного поднявшись в 2014. Тунис по-прежнему отстает от мировой медианы, но является одной из наиболее эффективных стран региона Ближнего Востока и Северной Африки (MENA) с точки зрения уменьшения гендерного разрыва. Небольшое, но последовательное повышение рейтинга GGI Туниса с 2011 года совпадает с «жасминовой» революцией, свидетельствуя о том, что революция привела к некоторым позитивным демократическим реформам, которые сократили гендерное неравенство в Тунисе. Продолжительное сокращение гендерного неравенства в Турции с 2009 года совпадает с созданием комиссии по равным возможностям в Великом национальном собрании Турции. Это говорит о том, что включение вопросов женщин в политический дискурс может привести к улучшению их представленности в этих политических институтах.

Из 18 стран (MENA)¹², представленных в докладе GGI, опубликованном в 2020 году¹³, Тунис занимает 4-е место в регионе и 124-е в мире (из 153 стран, описанных в докладе). Ливан занимает 14-е место в регионе и 145-е в мире. Турция занимает 5-е место в регионе и 130-е в мире.

Чем объясняется разница между представительством женщин в политических институтах Туниса, Ливана и Турции?

В этих странах «женский» вопрос был не целью, а средством достижения политических выгод для решения определенных проблем, связанных с властью и отстранением тех или иных политических и религиозных групп. Тунис и Ливан были колонизированы французами и получили независимость в середине 20 века, но по-прежнему находятся под влиянием франкофонических культурных и политических элементов, несмотря на то, что их общества характеризуются как патриархальные. Однако в отличие от Туниса в Ливане вопросы личного статуса рассматриваются религиозными судами, а не регулируются конституцией.

Другим отличительным аспектом является то, что после обретения независимости эти страны пошли очень разными путями в процессах формирования государства. Тунис стал светским государством, ориентированным на модернизацию, в то время как в Ливане власть была рассеяна и разделена между религиозными группами. Кроме того, Тунис имеет большинство суннитско-мусульманского населения, в то время как население Ливана состоит из различных мусульманских, христианских и других небольших религиозных групп, которые с 19 века конфликтуют из-за власти и ресурсов. Религиозная конфигурация этих стран играет важную роль в формировании политических процессов и участия в них женщин. Женщины в Тунисе имеют более широкий доступ к политическим институтам, чем их коллеги в Ливане, где клиентелизм и нестабильный политический процесс исключают права женщин из политической повестки дня. В Турции иностранные силы косвенно влияли на политику, направленную на расширение прав женщин. Стремление Турции стать членом Европейского Союза повлияло на положение женщин в обществе и в политике, поскольку гендерное равенство является одним из условий вступления страны в ЕС. Но растущее влияние религии на политику в стране, где большинство населения составляют сунниты, препятствует достижению гендерного

¹² Акроним от англ. Middle East & North Africa. – географический регион, объединяющий страны Магриба и Ближнего Востока общей численностью населения 355 млн человек.

¹³ World Economic Forum. Global Gender Gap Report 2020. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf. (accessed 15.07.2020).

равенства в Турции. При определенном прогрессе женщины Турции сегодня с точки зрения их политических прав, участия в механизме принятия решений и получения образования остаются не в равных условиях по сравнению с мужчинами. «До сих пор нерешенными остаются главные проблемы, связанные с положением женщины, – неграмотность, безработица, ранние браки, дискриминация при трудоустройстве и оплате труда. Некоторые положения Трудового кодекса, направленные на охрану безопасности и здоровья женщины, на самом деле приводят к ограничению деятельности женщины традиционными секторами и наиболее низко оплачиваемыми должностями [2, с. 149].

Патриархальный характер общества и в этих странах делает идею женщины-политика неприемлемой для значительной части населения. Для того чтобы женщина стала политиком, ей необходимо сначала получить поддержку и одобрение своей семьи, прежде чем пытаться найти политическую партию, от которой она может быть выдвинута. Важность вопроса здесь заключается в том, готово ли общество в целом принять такие изменения. Нельзя забывать о достаточно сильном влиянии религиозных традиций на общество этих стран. Формирование ливанского правительства определяется религиозной конфигурацией населения, в которой мусульмане и христиане являются двумя крупнейшими религиозными группами в стране. В то время как в Тунисе, стране мусульманского большинства, конституция которой определяет ислам как официальную религию, женщины пользуются гораздо большими политическими правами и свободами, чем их ливанские подруги. Таким образом, решение «женского» вопроса в Тунисе, Ливане и Турции свидетельствует о том, что политические возможности зависят от стабильности политического процесса в стране и от различных подходов к толкованию религии в целях укрепления и поддержания власти.

Литература

1. Гаджимурадова Г.И. Гендер и политическая культура // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2013. – № 7–8 (126–127). – С. 52–54.
2. Кютюкчю М. Формирование прав женщин в процессах культурных и общественных преобразований в Турецкой Республике // Власть. – 2010. – № 2.
3. Ульченко Н.Ю. Исламская традиция, феминизм и положение женщин в современной Турции // Сб. «Ислам и политика». – М.: Крафт+– 2001. – С. 327–339.
4. Bourguiba Habib. L'émancipation de la femme conditionne le progrès social. Ministère des Affaires Culturelles et de l'Information. – Tunis, 1972.
5. Caporal B. Kemalizmde ve Kemalizm sonrasında Türk kadını: (1919–1970). 1ci baskı. – Ankara: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 1982.
6. Constitution of Lebanon, 1926. Available at: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/lb/lb018en.pdf> .
7. Constitution of the Republic of Tunisia, 1959. Available at: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/tn/tn028en.pdf> .
8. Dabbous D. Legal Reform and Women's Rights in Lebanese Personal Status Laws. CHR Michelsen Institute. – 2017. – Report № 3. Available at: <https://www.cmi.no/publications/file/6341-legal-reform-and-womens-rights-in-lebanese.pdf> .
9. Daou B. Les Féminismes au Liban: un dynamisme de positionnement par rapport au patriarcat et un renouvellement au sein du «Printemps Arabe», Masters Thesis. – Beirut: Université Saint-Joseph, 2014.

10. [Derradji A. Tunisia: From Bourguiba's Era To The Jasmine Revolution & Fall of Ben Ali // Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2011. – Vol. 1, № 2. – P. 47–54. Available at: https://dergipark.org.tr/en/pub/adamakademi/issue/15872/167217 .](https://dergipark.org.tr/en/pub/adamakademi/issue/15872/167217)
11. [Freedom House Index. Freedom in The World: Lebanon 2018 report. Available at: https://freedomhouse.org/country/lebanon/freedom-world/2018 .](https://freedomhouse.org/country/lebanon/freedom-world/2018)
12. [Geha C. Lebanese women and the politics of representation // Arab Reform Initiative. – 2020. – February 18. Available at: https://www.arab-reform.net/wp-content/uploads/pdf/Arab_Reform_Initiative_en_lebanese-women-and-the-politics-of-representation_9118.pdf?ver=6094daecd5ea5494c69111b8f4fca906 .](https://www.arab-reform.net/wp-content/uploads/pdf/Arab_Reform_Initiative_en_lebanese-women-and-the-politics-of-representation_9118.pdf?ver=6094daecd5ea5494c69111b8f4fca906)
13. [Geha C. The Myth of Women's Political Empowerment within Lebanon's Secular Power-Sharing System // Journal of Women, Politics & Policy. – 2019. – Vol. 40, № 4. – P. 498–521. – DOI: 10.1080/1554477X.2019.1600965.](https://doi.org/10.1080/1554477X.2019.1600965)
14. [Jomier Augustin. Secularism and State Feminism: Tunisia's Smoke and Mirrors, books and ideas. Translated by John Zvesper. – 2011. Available at: https://booksandideas.net/Secularism-and-State-Feminism.html](https://booksandideas.net/Secularism-and-State-Feminism.html)
15. [Marks M. 'Women's rights before and after the revolution', in Nouri Gana \(ed.\). The making of the Tunisian revolution: Contexts, Architects, Prospects. – Edinburgh: University Press, 2013. – P. 224–251.](https://www.edinburgh.ac.uk/press-releases/2013/03/22)
16. [Mitri D. From Public Space to Office Space: the professionalization/NGO-ization of the feminist movement associations in Lebanon and its impact on mobilization and achieving social change. – Civil Society Knowledge Center, Lebanon Support. – 2015. – P. 3.](https://www.civilsocietycenter.org/lebanon-support/2015/03/16)
17. [Meltem M.B. Gender Equality in Turkey. European Parliament. – 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/279476086_Gender_equality_in_Turkey .](https://www.researchgate.net/publication/279476086_Gender_equality_in_Turkey)
18. [Salameh R. Gender politics in Lebanon and the limits of legal reformism. Civil Society Knowledge Center, Lebanon Support. 2015. Available at: https://civilsociety-center.org/paper/gender-politics-lebanon-and-limits-legal-reformism-en-ar .](https://civilsocietycenter.org/paper/gender-politics-lebanon-and-limits-legal-reformism-en-ar)
19. [Sharif H. The Origin of Women's Segregation in Lebanon's Political Life: Between Patriarchy and Consociational Democracy, Masters Thesis. – Beirut: Université Saint-Joseph, 2016.](https://www.saint-joseph.edu/theses/2016/03/22)
20. [United Nations. Gender equality: the unfinished business of our time https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/ .](https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/)

References

1. Gadzhimuradova G.I. Gender and Political Culture, Representative Power – 21st Century: Legislation, Comments, Problems. 2013, № 7–8 (126–127). Pp. 52–54 (in Russian)
2. Kyutyukchu M. The Consolidation of Women's Rights in the Processes of Cultural and Social Transformations in the Republic of Turkey. *Power*. 2010, № 2. (in Russian)
3. Ulchenko N.Yu. Islamic Tradition, Feminism and the Position of Women in Contemporary Turkey // *Islam and Politics*. Moscow, Kraft+, 2001. Pp. 327–339. (in Russian)
4. Bourguiba Habib. *L'émancipation de la femme conditionne le progrès social, Ministère des Affaires Culturelles et de l'Information*. Tunis, 1972.
5. Caporal, B. *Kemalizmde ve Kemalizm sonrasında Türk kadını: (1919–1970)*. 1ci baskı. Ankara: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 1982.
6. *Constitution of Lebanon*, 1926. – Available at: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/lb/lb018en.pdf>,

7. *Constitution of the Republic of Tunisia*, 1959. – Available at: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/tn/tn028en.pdf>
8. Dabbous D. Legal Reform and Women’s Rights in Lebanese Personal Status Laws. CHR Michelsen Institute. 2017, report № 3. – Available at: <https://www.cmi.no/publications/file/6341-legal-reform-and-womens-rights-in-lebanese.pdf>
9. Daou B. *Les Féminismes au Liban: un dynamisme de positionnement par rapport au patriarcat et un renouvellement au sein du “Printemps Arabe”*, Masters Thesis, Université Saint-Joseph. Beirut, 2014.
10. Derradji A. Tunisia: From Bourguiba’s Era To The Jasmine Revolution & Fall of Ben Ali. Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi, 2011. Vol. 1, № 2. Pp. 47–54. – Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/adamakademi/issue/15872/167217>
11. Freedom House Index. Freedom in The World: Lebanon 2018 report. – Available at: <https://freedomhouse.org/country/lebanon/freedom-world/2018>
12. Geha C. Lebanese Women and the Politics of Representation. *Arab Reform Initiative*. February 18, 2020. – Available at: https://www.arab-reform.net/wp-content/uploads/pdf/Arab_Reform_Initiative_en_lebanese-women-and-the-politics-of-representation_9118.pdf?ver=6094daecd5ea5494c69111b8f4fca906
13. Geha C. The Myth of Women’s Political Empowerment within Lebanon’s Sectarian Power-Sharing System. *Journal of Women, Politics & Policy*. 2019. Vol. 40, № 4. Pp. 498–521. DOI: 10.1080/1554477X.2019.1600965
14. Jomier Augustin, *Secularism and State Feminism: Tunisia’s Smoke and Mirrors, books and ideas*. Translated by John Zvesper. 2011. – Available at: <https://booksandideas.net/Secularism-and-State-Feminism.html>
15. Marks M. ‘Women’s rights before and after the revolution’, in Nouri Gana (ed.). *The making of the Tunisian revolution: Contexts, Architects, Prospects*. Edinburgh University Press. – 2013. – Pp. 224–251.
16. Mitri D. From Public Space to Office Space: the professionalization/NGO-ization of the feminist movement associations in Lebanon and its impact on mobilization and achieving social change. *Civil Society Knowledge Center, Lebanon Support*. 2015. – P. 3.
17. Meltem M.B. *Gender Equality in Turkey*. *European Parliament*. 2012. - Available at: https://www.researchgate.net/publication/279476086_Gender_equality_in_Turkey
18. Salameh R. *Gender politics in Lebanon and the limits of legal reformism*, *Civil Society Knowledge Center, Lebanon Support*. 2015. – Available at: <https://civilsociety-center.org/paper/gender-politics-lebanon-and-limits-legal-reformism-en-ar>
19. Sharif H. *The Origin of Women’s Segregation in Lebanon’s Political Life: Between Patriarchy and Consociational Democracy*. Masters Thesis, Université Saint- Joseph, Beirut, 2016.
20. *United Nations. Gender Equality: the Unfinished Business of Our Time*. – Available at: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/>